

УДК 904(470.51):393(=511.131)(045)
DOI: 10.17223/19988613/69/11

Е.М. Черных

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ И ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ СРЕДИ УДМУРТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ШАРКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются особенности нового погребального памятника одной из групп удмуртов, датированного по находкам монет в составе погребального инвентаря. Основные черты погребального обряда в основном характеризуют православный канон, в то время как сопровождающий инвентарь манифестирует приверженность языческому мировоззрению. Привлечение свидетельств миссионеров и документов XIX в. позволяет понять исторический контекст археологического источника и дать одно из объяснений такому симбиозу в традиционной культуре удмуртов на раннем этапе их христианизации.

Ключевые слова: удмурты; христианизация; язычество; погребальный обряд.

Шарканская группа удмуртов выделяется в структуре удмуртского этноса особенностями диалекта, традиционной культуры [1. С. 113; 2. С. 159–168; 3. С. 38–52]. До начала XX в. шарканские удмурты населяли северо-восточную окраину Сарапульского уезда Вятской губернии. На востоке район граничит с территорией Пермского края и, если бы не близость Камско-Воткинского завода, в прошлом вполне отвечал понятию «медвежьего угла». В составе населения района удмурты и сегодня составляют большинство (83,6%); а в середине XIX в. единичные русские деревни можно было встретить только вдоль основного тракта, связывавшего волостной центр – с. Шаркан – с заводом, да еще в северо-восточном, затерянном в лесах «углу», где сформировался небольшой старообрядческий «анклав».

Повсеместное распространение христианства среди удмуртов, как считается в официальной историографии, пришлось на XVIII в., когда Российским государством и Православной Церковью были предприняты целенаправленные усилия по искоренению язычества среди инородцев. Статистика демонстрирует почти полную вовлеченность удмуртов в православную веру к концу этого столетия (по данным П.Н. Луппова, 98%) [4. С. 188]. Но даже столетие спустя, в начале XX в., в отчетах вятских генерал-губернаторов можно видеть указания на наличие значительных групп удмуртов-язычников. Неслучайно важнейшей миссией Церкви на протяжении XVIII–XIX вв. рассматривалось утверждение новокрещенных в православии. В указах миссионерам и православному духовенству удмуртских приходов среди языческих заблуждений вотяков, с коими надлежало бороться, непременно упоминались языческие поминки и обращение к предкам за помощью [5. С. 104–110, 126–127].

Со времени публикации П.Н. Лупповым на рубеже XIX–XX вв. значительного корпуса материалов по

христианизации удмуртов эта тема систематически становилась предметом внимания историков, этнографов, краеведов. Но тем не менее некоторые социально-ментальные особенности распространения православной веры среди язычников-удмуртов могут быть существенно дополнены и поняты с введением в научный оборот археологических источников, прежде всего после раскопок могильников. По данным Н.И. Шutowой, обобщившей в конце 1980-х гг. результаты археологического изучения удмуртских кладбищ позднего Средневековья и Нового времени, подавляющее их большинство оказалось заброшенным в начале XVIII в. [6. С. 97]. По мнению исследовательницы, обращенных в новую веру удмуртов на родовых языческих кладбищах уже не хоронили. К такому выводу склоняет и ряд распоряжений Св. Синода о необходимости расселения крещеных и язычников. Однако, как показывает статистика, результативность таких указов была минимальной – во всей Вятской епархии было переселено только три (!) семьи [5. С. 105]. В то же время некоторые документы содержат прямые указания на сохранение обычаев среди удмуртов хоронить на старых кладбищах: «да оные новокрещенцы мертвые тела свои отвозят на старые свои шаймы в леса» (искаженное «шай», т.е. кладбище. – Е.Ч.) [7. С. 186]. Шарканский могильник, спасательные раскопки которого были проведены в 2019 г. [8. С. 4–5], предоставил новые основания считать, что разрыв во взаимоотношениях язычников и новокрещенных одной деревенской общины не был радикальным.

Новый памятник был обнаружен при строительных работах в черте современного с. Шаркан, и, как можно видеть по архивным материалам, территория кладбища уже в начале XX в. находилась под усадебными участками. Это была северная окраина села, конец основной сельской улицы (Церковная), через которую проходил тракт, связывавший село с Воткинским за-

водом на юге и с. Дебесы на Сибирском тракте – на севере. Дома по улице и приусадебные участки с покосами здесь принадлежали церковному причту. Сама церковь, построенная и освященная в честь св. апостолов Петра и Павла в 1838 г., располагалась на другом конце улицы, в 500 м от выявленного кладбища. Опрос жителей села в ходе раскопок показал, что о старинных захоронениях здесь мало кто слышал, сохранились лишь робкие высказывания хозяев близлежащих домов о находках человеческих костей при копке ям-погребов.

Раскопками в границах землеотвода под строительство изучено 42 погребения с 66 костяками¹. Могила располагалась на длинном языковидном отроге водораздельного склона, с севера и юга ограниченном небольшими речками – Шаркан и Малый Шаркан. Ширины мысовидного выступа достаточно было для размещения на нем только одной сельской улицы. Кладбище же занимало южный пологий склон, обращенный к р. М. Шаркан. Довольно четко выявляется расположение могил в рядах, вытянутых с севера на юг. При очевидной разреженности могил отмечены единичные случаи подхоронения родственников в существующую могилу и нарушения одной могилы другой. В целом можно говорить о соответствии размеров ям антропометрическим характеристикам погребенных. Форма ям прямоугольная, реже – овальная. Ориентировка умерших – головами на ЮЗ или З. Поскольку для языческих могильников удмуртов господствующей считается северная ориентация с сезонными отклонениями к СВ или СЗ [6. С. 65], в данном случае уже явно чувствуется влияние православного канона. Случаи юго-западной и западной ориентации погребенных были прежде выявлены в могильниках XVIII в., где христианские черты также хорошо заметны: Можгинский I, Чужьяловский, Ляльшурский вужшай [Там же. Табл. 7]. Следованием христианскому канону можно считать и большую в среднем глубину захоронений; показатель этого признака для Шарканского могильника очень неустойчив – от 0,2 до 1,3 м. В языческих могильниках глубина редко превышает 0,8 м от современной поверхности [Там же. С. 60]. В нескольких случаях удалось установить характер погребальных конструкций: это были узкие ящики, сколоченные из расколотых вдоль еловых сучковатых бревен, без гвоздей. Но в большинстве могил зафиксированы лишь следы тлена под костяками. Таким образом, по признаку погребального обряда «характеристика погребальных сооружений» выявленный могильник в большей степени соответствует христианским.

В то же время бросается в глаза большое количество коллективных захоронений на изученном участке кладбища (16 могил, 39%). Это совместные захоронения взрослых – женщина и мужчина (2 погребения), захоронения детей (4 погребения), взрослые с детьми: женщина (или две женщины) с детьми (7 погребений), мужчина с детьми (3 погребения). Факт более позднего помещения детей в могилу установлен лишь трижды (по разрушению частей основного скелета в месте подхоронения). Количество мужских и женских захоронений примерно равное – 15 и 12. Среди умерших

мужчин абсолютно преобладают пожилые – старше 45 лет (их 10)². Средний возраст смерти в шарканской выборке 40 лет. Совсем нет молодых мужчин призывного возраста. Зато среди женских костяков около половины принадлежали особям детородного возраста – 20–30 лет. Процент детских захоронений высок – на их долю приходится 59%, причем 32 погребения (т.е. более 82%) принадлежали новорожденным и детям до 2 лет. Данные цифры в целом не противоречат уже известным данным: Н.И. Шутова отмечала, что высокая детская смертность вообще была характерной для удмуртов XVI–XIX вв. [Там же. С. 87–88]. Тогда как практика коллективных погребений, скорее всего, – дань прежним языческим традициям.

На то, что часть захороненных в момент смерти являлись паствой православной церкви, помимо некоторых особенностей погребального обряда, безусловно, указывают находки в могилах христианских крестов. Всего найдено 24 нательных крестика³ в 17 могилах: 5 – в погребениях взрослых мужчин; 5 – в женских, 14 крестиков сопровождали захоронения детей. Велика доля погребений (75%), когда помимо нательного креста с умершими укладывали предметы быта, орудия, украшения одежды, что свидетельствует, несмотря на влияние православия, о довольно прочных языческих традициях в данной социальной группе.

Значительное количество предметов в составе погребального инвентаря для христианских кладбищ вообще несвойственно. В мужских погребениях Шарканского могильника обычными были железные ножи и скобы для подвешивания топора, как правило, уложенные на поясе, т.е. на месте их ношения при жизни. Довольно необычным выглядит погребение 19, в котором крупный нож – длиной 35 см – был уложен поперек груди умершего. Но этот мужчина старше 45 лет был захоронен с крестиком на груди. По поверьям удмуртов, крупные ножи в погребения XVI–XVIII вв. укладывались как экзотические атрибуты гадателей, ворожеев, знак их магической силы. Удмурты верили в силу и мощь ножа, используя его в заговорно-заклинательной практике. Нож выполнял важную функцию в проведении выборов удмуртского жреца *туно*.

Столь же широко, как в утилитарной сфере, при похоронах и поминках у удмуртов, всю жизнь проводивших в лесу, использовались топоры, способные оградить живых людей от соприкосновения с миром мертвых [9. С. 192–197].

В женских погребениях частой находкой являлись стеклянные бусы разнообразной формы и цветовой гаммы. В детских погребениях нательный крестик почти всегда встречался в низке с двумя-тремя бусинками. Помимо бус, в составе женских комплектов были обнаружены медные перстни и браслет, гребень с зооморфной рукоятью. В одном случае в изголовье умершей были уложены костяная игольница и деревянный футляр с маленькими щипчиками, очень характерные находки для погребений бассейна Чепцы и Верхней Камы в более ранний период, V–XIV вв. Женщин хоронили в особом головном уборе, также расшитом бусами, бисером и монетами и, очевидно, манифестирующем особенности местной этнической

традиции. Так, этнографы отмечают, что среди традиционных женских головных уборов шарканских удмуртов отсутствует *айшон* – высокий головной убор на твердой основе. Здешние удмуртки носили холщевый чепец с разомкнутым верхом и завязками на затылке, называвшийся *подурга*. Поверх подурги надевали платок, украшенный аппликацией. Праздничный платок украшали еще и вышивкой позументной нитью «вприкреп». По мнению И.А. Косаревой, подурга обнаруживает близкое подобие в бесермянском уборе *кашту* и в уборе закамских удмуртов *манлай* [3. С. 41]. Возможно, следы позумента и бисер, выявленные в особом порядке в области головы и плеч захороненных на могильнике женщин (например, погребение 20), можно рассматривать как остатки такого головного убора.

Шарканский могильник дал неожиданно яркие этнографические параллели, сохранив во влажном глинистом грунте ряда погребений органические материалы (дерево и кожу). Так, и в мужских, и в женских захоронениях обнаружены детали кожаных рукавиц, намеренно разорванных (или разрезанных) и уложенных компактно рядом с умершими. Это были обычные рабочие рукавицы, но некоторые с тисненым орнаментом. Иногда внутри рукавиц (ладонная часть или надпалок) были уложены медные монеты. Выдающийся этнограф и священник Г.Е. Верещагин, долгое время проживший среди шарканских удмуртов, оставил на этот счет следующие свидетельства: «...Положив тело в гроб, кладут мужчине шапку, рукавицы, деньги, коточик и, кто курил табак, трубку и пр., приговаривая, что пусть он там не нуждается в этих вещах...» [10. С. 45]. Действительно, в трех мужских погребениях были найдены детали курительных трубок, вырезанных из капа – древесного нароста. В дневниковых заметках Д.Г. Мессершмидта, проезжавшего через удмуртские земли в первой половине XVIII в., находим, что промысел капа среди удмуртов был чрезвычайно развит, а чаши из него, искусно выточенные русскими мастерами в Хлынове (Вятке), охотно скупались путешественниками [11. С. 101–102]. По всей видимости, не только чаши...

Характер погребальной обрядности, фиксируемой в Шарканском могильнике, свидетельствует об устойчивом двоеверии удмуртов. Под двоеверием в данном случае рассматривается «религиозная система, в которой языческие верования и обряды сохраняются под наружным слоем христианства» [12. С. 12]. Православные миссионеры и приходские священники в XIX в. были единодушны в оценке религиозного сознания удмуртов: «Хотя вотяки в Глазовском уезде уже крещены, но доселе почти все, за малыми исключениями, сильно придерживаются языческих заблуждений... и при неимении ими элементарных понятий о православной вере, у вотяков истинная вера во многих случаях заменяется различными суевериями; лучше ска-

зать, вотяк двоевер: он и Богу истинному поклоняется, и языческие божества не позабывает умиловать» [13. С. 543–544].

Дата захоронений на кладбище устанавливается по монетам (всего найдено 95 экз. в 38 погребениях). Самая старшая монета датирована 1746 г., самая младшая – 1840 г., с учетом того, что ближайший православный приход был открыт в с. Чутырь в 1752 г. (40 верст от Шаркана, если по прямой; в обход некоторых непроходимых и сейчас участков лесов – значительно больше). К нему относилась и Шарканская волость. С появлением первых новокрещенных из числа местных удмуртов хоронить их на прежнем кладбище было затруднительным (тем более что языческие кладбища удмуртов, как правило, принадлежали отдельным воршудно-родовым группам), а возить в Чутырь или «в завод» – еще сложнее. Вот и был положен почин выделить место для нового кладбища на северной окраине деревни. Но в 1764 г., в процессе церковной реформы, последовало упразднение новокрещенской конторы, а следом, в 1773 г., вышел указ Екатерины II о веротерпимости. Количество крещений резко пошло на спад. Шарканские удмурты отныне хоронят членов своих семей, независимо от вероисповедания, на одном кладбище. Удмуртские семьи были многочисленными, многоколенными: кладбище заполнялось быстро.

В 1837 г. в д. Лонлэсь-Докья (будущее с. Шаркан) был выделен самостоятельный приход из приходов Чутырского и Камско-Воткинского завода. Неудивительно, что с. Шаркан становится центром притяжения для крестьян из разных мест этого края: крестившиеся предпочитали селиться ближе к церкви. В 1838 г. в Шаркане была построена церковь, освященная во имя св. апостолов Петра и Павла [14. С. 293]. По свидетельству протоиерея Воткинского Благовещенского собора о. Василия Блинова, о строительстве церкви хлопотали сами новокрещенные (подчеркнуто нами. – Е.Ч.) вотяки Шарканской волости, «причем обещали давать причту приличное содержание и предоставлять квартиры до постройки домов» [15. С. 13].

Таким образом, резюмируя приведенные факты, а также учитывая общую датировку погребений, можно высказать предположение, что на выявленном кладбище удмурты д. Лонлэсь-Докья хоронили членов своей общины, одновременно и новокрещенных, и язычников. Этому способствовала общая обстановка, сложившаяся в тот момент в делах православной миссии. По всей видимости, продолжаться это могло до начала 1840-х гг., до открытия в Шаркане самостоятельного прихода и строительства православного храма. После строительства и освящения храма последовало выделение нового участка под православное кладбище, а старое было со временем забыто. В начале XX в. место было занято усадьбами того самого причта, что полтора столетия так усердно трудился на поприще борьбы с языческим культом вотяков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Формат спасательных раскопок ограничил возможности для полного исследования выявленного объекта, а с учетом плотной застройки в этой части села не представляется пока выполнимой задача определения действительных границ его территории.

² Половозрастные определения умерших выполнены кандидатом исторических наук И.Г. Ширококовым (МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург)

³ По данным, собранным Н.И. Шутовой, на 107 поздних удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. приходилось не более 10 находок нательных крестиков [б. С. 239–258].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева С.Х., Атаманов М.Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 112–150.
2. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск : Удмуртия, 2005. 216 с.
3. Косарева И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. I: Текст // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 2. 196 с.
4. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 390 с.
5. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) : социально-культурная деятельность. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 232 с.
6. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. : по данным могильников. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 364 с.
7. Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск, 2007. Т. 1: Документы и материалы. 1136–1917. 816 с.
8. Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Ижевск, 2020. С. 4–6.
9. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.
10. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Собрание сочинений : в 6 т. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. Т. 1. 260 с.
11. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Ижевск : Удмуртия, 2001. 224 с.
12. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России. М. : Индрик, 2004. 216 с.
13. Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1889. № 11. С. 542–563 // Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах : аннот. хрестоматия. URL: <http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=J2FhWSyuKLOC>
14. Православные храмы Удмуртии : справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Изд. 2-е. Ижевск, 2017. 607 с.
15. Веселых И.Е. Шаркан. Страницы истории. Шаркан, 1998. 170 с.

Elizaveta M. Chernykh, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: emch59@mail.ru

THE LAST PAGANS AND THE FIRST CHRISTIANS AMONG THE UDMURTS IN THE CONTEXT OF THE FUNERAL RITES OF THE SHARKAN CEMETRY (2ND HALF OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURY)

Keywords: Udmurts; Christianization; paganism; burial rite.

The study is dedicated to explaining the archaeological evidence of the simultaneous burial of pagans and newly baptized in a common cemetery. The conviction established in the regional scientific literature claims that christianized Udmurts were not buried in pagan cemeteries (Udmurt “Shai”).

Primary sources of the proposed research are funeral rite and grave goods of the previously unknown necropolis, discovered during the construction work on the territory of the modern village Sharkan, Udmurt Republic. Another group of sources consists of ethnographic materials and historical documents that testified process of the conversion of the Sharkan Udmurts to Orthodoxy in the second half of the 18th - first half of the 19th centuries. The new archaeological site was explored during the rescue archaeological work. The site was occupied by residential buildings before construction began. 42 graves with 66 skeletons were examined in the excavation. The graves were arranged in clear rows, had a rectangular shape in plan, sizes corresponded to the anthropometric characteristics of the buried. The depth of the pits varied from 0.2 to 1.3 m. The dead were placed in narrow plank boxes made of spruce blocks (without nails), or on decks, stretched out on their backs, with their heads facing west or southwest. Thus, formally, burials correspond to the Christian canon. But at the same time, the large percentage of collective burials (almost 40 %) is, i.e. joint burials of adults, adults with children, only children. The paleodemographic parameters of the group (58 % of the deceased are children, the average age of death of adults is 40 years) corresponded to those expected for the groups of the population of Russia in the New Age, in which high infant mortality is compensated by high fertility. No traces of violent death were found in the burials; pathologies are rare, as are lifetime traumas.

The presence and variety of accompanying implements clearly reflected the pagan beliefs of the buried, despite the fact that in 24 of them Orthodox crosses were found. The variety of the artifacts is common for the pagan burial grounds of the Udmurts of the late Middle Ages and early modern times. Explanations for some of the most striking objects in burials are easily found in the traditional culture and beliefs of the Sharkan Udmurts of the 19th century, primarily in the ancestors' cult.

Referring to the written sources suggests that this burial ground, dated according to the accompanying inventory (priority is given to coins), was left by a local group of Udmurts (one village – Lonles-Dokya), some of whom had already been baptized, but continued to observe the previous pagan rituals, which is found explanation in the policy of the state and the Church in the second half of the 18th–early 20th century.

REFERENCES

1. Lebedeva, S.Kh. & Atamanov, M.G. (1987) Kostyumnye komplekсы udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom [The Udmurt costumes and their ethnogenesis]. In: Atamanov, M.G. (ed.) *Problemy etnogeneza udmurtov* [Problems of the Ethnogenesis of the Udmurts]. Ustinov: Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR. pp. 112–150.
2. Atamanov, M.G. (2005) *Ot Dondykara do Ursyugurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyugurt. From the history of the Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya.
3. Kosareva, I.A. (2017) Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (the experience of identification). Part I: Text]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete – Proceedings of The Society for History, Archaeology and Ethnography at the Kazan University*. 37(2).

4. Luppov, P.N. (1999) *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestiy o nikh do XIX v.* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them until the 19th century]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
5. Berestova, E.M. (2005) *Pravoslavnaya tserkov' v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Orthodox Church in Udmurtia (second half of the 19th – early 20th century): Social and cultural activities]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Shutova, N.I. (1992) *Udmurty XVI – pervoy poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov* [The Udmurts of the 16th – first half of the 19th century: based on burial grounds]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature.
7. Anikina, G.K. et al. (2007) *Khrestomatiya po istorii Udmurtii* [The Reader on the History of Udmurtia]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurtiya.
8. Perevozchikova, S.A. & Chernykh, E.M. (2019) Spasatel'nye arkhologicheskie raboty na territorii Udmurtskoy Respubliki [Rescue archaeological work on the territory of the Udmurt Republic]. In: Perevozchikova, S.A. et al. *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2019* [Archaeological discoveries in Udmurtia – 2019]. Izhevsk: [s.n.]. pp. 4–6.
9. Shutova, N.I. (2001) *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian religious monuments in the Udmurt religious tradition: a comprehensive study]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
10. Vereshchagin, G.E. (1995) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collection of Works: in 6 vols]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
11. Napol'skikh, V.V. (2001) *Udmurtskie materialy D.G. Messershmida* [D.G. Messerschmidt's Udmurt Materials]. Izhevsk: Udmurtiya.
12. Levin, Iv. (2004) *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia]. Moscow: Indrik.
13. Kreknin, S. (1889) Votyaki Glazovskogo uezda i kratkiy ocherk khristianskoy missii sredi nikh [The Votyaks of the Glazovsky district and a brief sketch of the Christian mission among them]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 542–563.
14. Kutyavin, A.N. & Tronin, A.A. (eds) (2017) *Pravoslavnye khramy Udmurtii: spravochnik-ukazatel' po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoy Respubliki* [Orthodox Churches of Udmurtia: a reference guide to the documents of the Central State Archives of the Udmurt Republic]. 2nd ed. Izhevsk: Udmurtiya.
15. Veselykh, I.E. (1998) *Sharkan. Stranitsy istorii* [Sharkan. Pages of History]. Sharkan: [s.n.].